

✚БОГИ и ВОИНЫ✚

КНИГА 4

ГРОБНИЦА КРОКОДИЛА

От автора мирового бестселлера «Брат мой Волк»!

МИШЕЛЬ ПЕЙВЕР

Боги и воины

Мишель Пейвер

Гробница Крокодила

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Пейвер М.

Гробница Крокодила / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Боги и воины)

ISBN 978-5-389-21652-5

Раб и названный брат Пирры Усерреф уплыл на свою родину, в Египет. Теперь Гилас и Пирра должны отправиться в эту незнакомую, полную неведомых опасностей страну, чтобы найти Усеррефа и забрать у него кинжал Короносов. А Короносы, узнавшие, что кинжал в Египте, спешат добраться до него первыми. Гиласу и Пирре предстоит долгое путешествие по пустыне и по великой реке Нил, к той границе, что разделяет мир живых и мир мертвых. Впервые на русском!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-21652-5

© Пейвер М., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Пролог	8
1	11
2	15
3	19
4	25
5	32
6	36
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мишель Пейвер

Гробница Крокодила

Michelle Paver

THE CROCODILE TOMB

Text copyright © Michelle Paver, 2015

Artwork copyright © Puffin Books, 2015

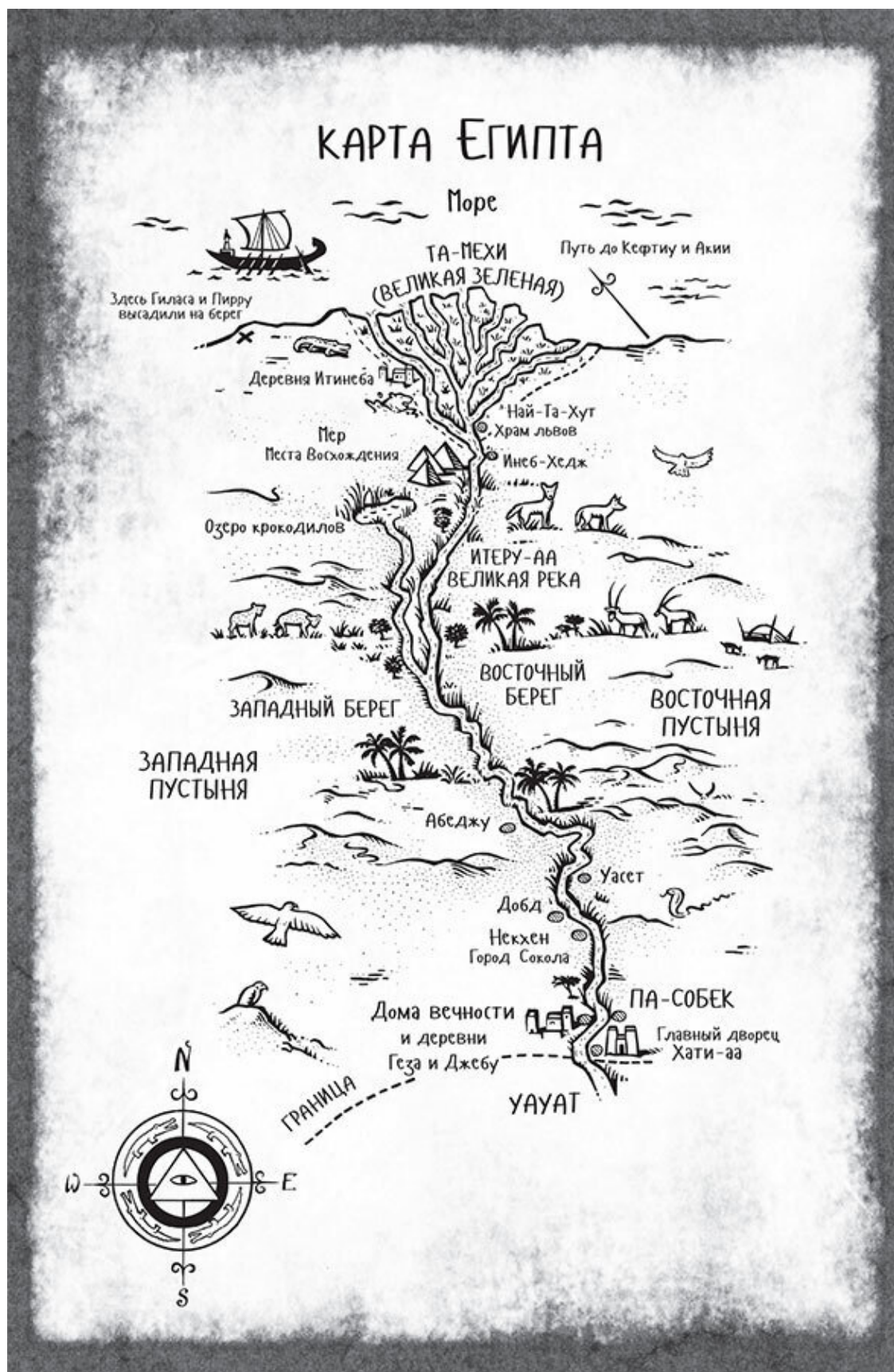
First published as The Crocodile Tomb in 2015 by Puffin which is part of the Penguin Random House group of companies

© А. Д. Осипова, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2022

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Леопард лежал на полу – глаза закрыты, толстый хвост обернулся вокруг ножки кресла из слоновой кости. Над хищником на потолочной балке съежилась обезьяна: спящий зверь вселял в нее страх, но одновременно ее манила стоявшая на столе зеленая стеклянная миска, полная гранатов, инжира и фиников.

Испуганно скаля зубы, обезьяна вытянула тощую лапку, но нет – до фрукта не дотянуться. Клацнув зубами от досады, она отдернула руку. Леопард повел ухом, улавливая, откуда донесся звук, и опять замер, притворяясь, будто спит. Но обезьяна этого движения не заметила: она не сводила глаз с фруктов.

На этот раз плутовка уцепилась за балку лапой, простерла обе ладошки и стала раскачиваться. Тут-то огромная кошка и нанесла удар. В воздухе мелькнула черно-золотистая молния, раздался визг, потом хруст – и все было кончено.

Алекто рассмеялась и захлопала в ладоши. Узоры из хны украшали кисти ее рук.

– Быстро же он расправился с этой мартышкой – даже слишком! – пожаловалась она сидевшему рядом толстому египетскому вельможе. – Совсем не помучил! Может, поймем другую?

В золотой диадеме с острыми зубцами и желтом шелковом одеянии, подчеркивающим талию, Алекто выглядела очень красиво и экзотично: египтянки так не одеваются. Керашер низко ей поклонился.

– Как пожелаешь, моя госпожа, – произнес он на акийском с сильным акцентом.

– Не время для забав, господин Керашер, – резко возразил Теламон, меряя шагами комнату. – Ты ведь говорил, что сейчас приведут пленника.

Египтянин согласно кивнул, а Алекто отвесила Теламону шуточный поклон:

– Ну и суров же ты, племянник!

Теламон сердито зыркнул на тетю. Алекто всего на несколько лет старше, однако просто обожает называть его племянником. Как будто Теламон малыш!

– Ты уверен, что этот твой пленник – тот, кто нам нужен? – спросил Теламон у Керашера.

– Мои люди говорят, что да, – любезно ответил египтянин, хотя эта вежливость далась ему с некоторым трудом. – Но только ты, господин Теламон, знаешь в лицо человека, которого ищешь, поэтому судить тебе.

Теламон продолжал ходить из угла в угол.

– Когда его наконец притащат?

– Скоро.

– У тебя на все один ответ, – буркнул Теламон.

До чего же он ненавидит Египет! И жарищу, и болотистую Реку, и этого толстяка с коричневой кожей. Воротник Керашера сплошь утыкан драгоценными камнями, глаза накрашены зеленой краской: от такого зноя она уже потекла... Керашера прислал сам Перао, египетский царь-божество. Вельможе велено помочь Короносам отыскать кинжал, но Теламон чувствует: за улыбочками Керашера скрывается презрение. А еще больше раздражает то, что этот египтянин ужасно женоподобный: изысканный парик заплетен в косички, безбородое лицо разукрашено. Мало того – рабы ему даже ноги бреют!

«А все Гилас виноват! Из-за него пришлось сюда тащиться», – злился Теламон. Вернее, из-за Гиласа и Пирры. Если бы они не украли кинжал... Если бы раб Пирры не привез его в Египет...

Алекто щелчком пальцев подозвала свою новую игрушку. Леопард бросил жертву, приблизился к девушке и положил ей на колени измазанную кровью морду.

– Кого бы ему еще скормить? – промурлыкала Алекто. – Только на этот раз постарайся растянуть для нас удовольствие, господин Керашер!

Наклонив красивое личико прямо к окровавленной морде зверя, Алекто высунула заостренный язычок и слизнула кровь.

Керашер разинул рот и уставился на дочь Короноса остекленевшими глазами. Теламона передернуло: этот слабак от одного вида Алекто слюни пускает!

Поймав взгляд Теламона, Алекто расплылась в улыбке. Но тот не улыбнулся в ответ. Тетю он тоже ненавидит. Вечно она над ним смеется и унижает перед воинами! Теламон в сотый раз пожалел, что с ним отправили ее, а не дядю Фаракса.

«Но тогда главным был бы Фаракс, а не ты, – напомнил себе мальчик. – Да, ты здесь главный, что бы на этот счет ни думала Алекто. Ты внук Короноса, Верховного вождя Микен. Он послал в Египет именно тебя, потому что уверен: ты выполнишь задачу с честью».

За дверью раздались шаги и позвякивание доспехов.

Леопард дернул хвостом, Алекто крепко сжала ручки кресла.

– Наконец-то, – проговорил Теламон.

Пленника швырнули на пол к ногам Теламона. Молодой человек одет в грязную юбку, руки связаны за спиной под болезненным углом. Один из стражников рывком поставил пленника на колени. У Теламона перехватило дыхание.

– Это он! Кинжал у него? Твои люди нашли кинжал?

– При нем было вот что, – ответил Керашер.

Другой стражник показал нож с дешевой костяной рукояткой и медным клинком.

Теламон зарычал от злости и оттолкнул руку охранника.

– Это не кинжал Короносов!

Керашер позволил себе тихонько вздохнуть.

– В таком случае я допрошу пленника...

– Нет, – перебил юный воин. – Я сам с ним поговорю, он знает акийский.

Теламон спросил пленника:

– Где кинжал?

Ответа не последовало. Арестант наблюдал, как леопард рвет на части голубые кишки обезьяны.

– Смотри на меня! Где кинжал Короносов?

Как и у большинства египтян, голова пленника выбрита наголо, а глаза подведены черным. На красивом лице – выражение притворного недоумения. Вот египтянин поднял темные глаза на Теламона и покачал головой.

– Он знает, где кинжал, – заметила Алекто.

Она наблюдала за египтянином с пристальным вниманием змеи, готовящейся к броску.

– Прикажу всыпать ему хорошенько. Мои люди его расплющат, как листок папируса, – пообещал Керашер. – А если он и тогда будет молчать...

Толстая, униженная перстнями рука указала на топоры в форме полумесяца и хлысты с медными наконечниками, которыми были вооружены стражники.

Алектю сразу оживилась, и ее губы растянулись в улыбке.

– Можно придумать способ получше.

С тех пор как они отплыли из Микен, Теламон в первый раз порадовался, что с ним Алекто. Он не любит пытать людей – тетя же это занятие просто обожает. Уж она точно развяжет пленнику язык.

Скоро кинжал будет у них. Сердце Теламона забилось быстрее. Он вспомнил длинный, беспощадно острый клинок и силу предков, разливавшуюся по всему телу, стоило только взяться за рукоятку...

– Давайте начнем, – предложила Алекто.

Ее щеки разругались, красивые губы приоткрылись.

– Еще рано, – холодно бросил Теламон.

Опустившись на корточки, он показал пленнику маленького аметистового сокола у себя на запястье. На лице раба отразились боль и горе. Эта печать принадлежала Пирре.

– Усерреф, – Теламон тихо обратился к египтянину по имени, – скажи, где ты спрятал кинжал, и я дарю тебе быструю смерть. Твои родные устроят тебе похороны со всеми подобающими ритуалами, и твой дух присоединится к духам предков. Но если откажешься, мы силой вырвем у тебя признание. А потом бросим твоё тело воронам, и твой дух будет вечно скитаться неприкаянный. Советую выбрать легкий путь.

И снова Усерреф поглядел Теламону в глаза. Египтянин еще раз покачал головой. Теламон не ожидал от ничтожного раба такой отваги.

Тут вмешался стоявший позади Керашер:

– Пусть его отведут обратно...

– Нет, – возразил Теламон. – Мы и так слишком много времени потеряли.

Встав, он взглянул на Алекто и с удовольствием отметил, что тетя ждет его распоряжения. Да, Теламон и впрямь главный. Боги на его стороне. Скоро кинжал Короносов будет у него, и на этот раз ни Гилас, ни Пирра ему не помешают: они далеко, на Кефтиу. Никто не встанет на пути у Теламона.

Уперев руки в бедра, он расправил плечи.

– Приступим, – объявил Теламон.

1

– Нигде такой земли не видел, – пробормотал себе под нос Гилас. – Тут же ничегошеньки нет.

Только вялое Море под знойным Солнцем и бескрайняя мерцающая равнина, вся засыпанная песком.

– На Египет совсем не похоже, – прибавила Пирра. – Усерреф рассказывал, что его страну разделяет на две половины большая Река, а по берегам – поля, деревни и храмы. Он говорил... – Пирра облизнула губы. – Говорил, что вокруг Египта только бесконечный красный песок. Усерреф называл это место «дешрет».

– Пустыня, – сказал по-своему Гилас.

Пирра встретила с ним взглядом:

– Египтяне здесь мертвых хоронят.

Дешрет.

Гилас и не подозревал, что Солнце способно печь так беспощадно. Воздух раскаленный, будто вдыхаешь дым от костра. Щурясь на ослепительно-ярком свете, мальчик окинул взглядом подрагивающую в туманной дымке равнину. Ни деревень, ни Реки. Только какая-то странная горка из камней да пыльная поросль. Тут ветер поднял над землей песок и закрутил его воронкой. Гиласу даже не по себе стало.

А далеко в Море их корабль уже превратился в крошечную точку.

– У них и в мыслях не было плыть с нами в Египет, – с горечью произнес мальчик. – Украли наше золото и бросили нас тут умирать.

– Хорошо, что не убили и за борт не выкинули, – заметила Пирра. – Даже оружие не отобрали.

– По-твоему, нам еще и повезло?

– Нет, зато мы живы-здоровы.

В словах Пирры была своя правда, но Гиласу хотелось рвать и метать от ярости и осыпать проклятиями подлых, лживых финикийцев. Больше одной луны они с Пиррой прятались среди кефтийских холмов вместе с Эхо и Разбойницей, с нетерпением дожидаясь корабля, идущего в Египет. А когда наконец нашли капитана, согласившегося взять их на борт, из-за сильного ветра судно сбилось с курса, и команда возложила всю вину на пассажиров. «Чужеземцы приносят несчастье», – объявил капитан. А такую странную парочку еще поискать: мальчишка-акиец с диковинными золотистыми волосами, от которого ни на шаг не отходит

молодая львица, и кефтийская девчонка со шрамом в форме полумесяца на щеке и живым соколом на запястье.

Разбойница прошла мимо Гиласа и обернулась – похоже, хочет, чтобы он ее подбодрил. Львица до сих пор ведет себя как детеныш, будто еще не поняла, что она уже почти взрослая. В Море ее укачивало, за время плавания Разбойница исхудала, шерсть у нее стала потрепанной, а теперь ее вдобавок облепили мухи. Вот она стоит с несчастным видом, тяжело дыша и дергая ушами.

Гилас развязал горловину бурдюка с водой, сложил ладонь ковшом и налил туда чуть-чуть воды. Разбойница жадно вылакала ее, едва не содрав шершавым языком кожу с руки мальчика.

– Извини, больше нельзя, – произнес Гилас.

Бурдюк заполнен всего наполовину. Надолго этих запасов не хватит.

– Может, до Египта недалеко? – с надеждой предположила Пирра. – Все реки впадают в Море, верно? Будем идти по берегу и отыщем ее.

– Или пойдем не в ту сторону и еще глубже в пустыню заберемся.

Парившая над равниной Эхо вдруг развернулась в воздухе и скрылась из вида.

– Что, если она знает, где Река? – произнесла Пирра, следя за полетом соколихи.

Гилас не ответил. Эхо может днями обходиться без воды, а они на такое не способны. Видно, Пирре пришла в голову та же мысль.

– Пойдем, – сказал мальчик. – Выроем яму. Если повезет, докопаем до воды.

Они побрели вдоль берега. Обжигающе горячий ветер швырял песок Гиласу в глаза. Пот стекал по спине струйками, впитываясь в моток веревки, висевший у мальчика на плече. Земля раскалилась так, что Гилас чувствовал жар даже сквозь подошвы сандалий из сыромятной кожи. Горячий воздух дрожал, и казалось, будто тень Гиласа танцует. Вдобавок голова разболелась: Гилас отчаянно надеялся, что причина в палящем Солнце, а не в том, что у него сейчас будет очередное видение.

Отойдя на пятьдесят шагов от Моря, они опустились на колени и стали копать руками песок, стараясь вырыть яму поглубже. Вскоре на дно просочилась влага. Гилас попробовал воду – и тут же выплюнул.

– Соленая, – с отвращением бросил он.

Пирра огляделась по сторонам:

– Вон на том кусте растут ягоды. Они съедоб-ные?

Гилас растерялся. Он Чужак, вырос в диких Горах, знает все растения Акии. Но таких кустов ни разу не видел.

– Понятия не имею, – смущенно произнес мальчик. – Но лучше их не трогать. Вдруг ядовитые?

Разбойница подошла к кусту и плюхнулась посреди жалкого островка тени. Передними лапами она отгоняла мух.

Тут из куста раздалось сердитое шипение.

Разбойница вскочила и отпрянула.

Не успели Гилас и Пирра опомниться, как из-под куста стремительной молнией вылетела змея. Но вместо того чтобы уползти, она развернулась и встала на кончик хвоста. Змея покачала плоской черной головой из стороны в сторону и вдруг плюнула в Разбойницу. Львица попыталась увернуться. Струйка яда пролетела мимо ее глаза и попала в нос. Гилас метнул нож. Клинок вонзился чуть ниже змеиной головы, пригвоздив ее к песку. Змея извивалась и билась, но Пирра взяла камень и одним ударом прекратила ее страдания.

Повисло потрясенное молчание.

Разбойница чихнула и стала тереться мордой о песок. Гилас выдернул нож и отрубил змее голову.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы змеи так делали? – переводя дух, спросила Пирра.

– Нет, – коротко бросил Гилас.

Они переглянулись. Убить первое живое существо, встретившееся на пути, – дурной знак. А что, если для неизвестных богов, властвующих над египетской землей, эта змея – священное животное?

Разбойница с любопытством потрогала жертву передней лапой. Гилас отстранил лъвицу и полой туники вытер с ее носа остатки яда.

– Давай съедим змею. Как думаешь, можно? – спросила Пирра.

– Не знаю, – буркнул Гилас. Вдруг злость вырвалась наружу. – Я не знаю! – закричал он, полоснув по кусту ножом. – Не знаю, что тут растет и кто тут водится! Не знаю, пригодны ли эти ягоды в пищу! И да, я ни разу не видел, чтобы змея стояла на хвосте и плевалась!

– Гилас, перестань, ты напугал Разбойницу!

Спрятавшись за Пиррой, молодая львица глядела на Гиласа, прижав уши.

– Извини, – буркнул Гилас.

Разбойница вышла и потерлась мохнатой щекой о его бедро. Гилас почесал ее крупную золотистую голову, пытаясь успокоить одновременно и львицу, и себя.

– Когда я тебя в первый раз встретила, мы застряли на острове без еды и воды, – ровным тоном напомнила Пирра. – Но ведь не пропали, выжили.

– Это другое.

– Согласна, но если даже ты здесь не приспособишься, значит в пустыне выжить невозможно.

Тут на плечо Пирры села Эхо и ласково потянула девочку за прядь темных волос. Пирра одним пальцем погладила желтую чешуйчатую ногу Эхо.

Разбойница глядела на Гиласа снизу вверх. В больших золотистых глазах отражалось безусловное доверие.

– Значит, так, – произнес Гилас. – У нас есть полбурдюка воды, два ножа, моя праща, моток веревки и убитая змея. Узнать бы еще, можно ли ее есть.

– Животные сразу чувствуют яд, – заметила Пирра. – Если Разбойница и Эхо не откажутся от змеиного мяса...

Гилас кивнул:

– Давай проверим.

Отрезав часть хвоста, мальчик бросил ее Разбойнице, потом дал кусок поменьше Пирре. Девочка зажала его в кулаке. Эхо прыгнула на манжету из сыромятной кожи на запястье Пирры, порвала мясо на куски и проглотила. А Разбойница между тем жевала свою порцию так, что вокруг только ошметки летели.

– Похоже, не отравимся, – заметила Пирра.

– Может, еще рыбы в Море наловим, – произнес Гилас.

Пирра хитро улыбнулась:

– И кстати, не все наше золото забрали финикийцы, я спрятала одно ожерелье под туникой. Главное – встретить кого-нибудь, кто торгует едой, и тогда уж точно с голоду не умрем!

Мальчик фыркнул.

Чем ближе к полудню, тем нестерпимее становился зной.

– Разбойница права, – заметил Гилас. – Нам надо укрыться от Солнца.

Пирра указала на подрагивающую вдалеке каменистую грядку:

– Может, там найдется пещера?

– Пойдем посмотрим.

Гилас немного приободрился. Но пока они брели к цели, ему пришла в голову мысль. Гилас думал, что их главная задача – добраться до Египта и отыскать Усеррефа, а вместе с ним и кинжал Короносов.

Но чтобы все это сделать, они должны выжить.

2

Отрезав полоски от туник, Гилас и Пирра намочили их в Море и обмотали вокруг головы. Мокрая ткань дарила восхитительную прохладу, но вся влага быстро испарилась. Пирре казалось, будто Солнце ударяет по голове молотом. Повсюду песок – и в глазах, и на пересохшем языке. Пирре все чудилось, будто поблизости журчит ручей, но воды здесь нет. Только мертвая тишина пустыни.

Гилас плелся рядом. Он шурился и потирал виски. «Только бы его не посетило видение», – тревожилась Пирра. Кто ему явится на этот раз? Призраки? Демоны? Захочет – сам расскажет. Пирра уже приучилась не лезть к нему с вопросами. Гилас не любил говорить о призраках.

– Страшно и голова болит, – как-то раз поделился он. – Никогда не знаешь, когда в следующий раз явятся. Глаза бы мои их не видели!

Они все шли и шли, а огромные красные валуны никак не приближались. Что, если никакой каменной гряды и вовсе нет? Вдруг боги сыграли с ними шутку?

Боги...

Пирра застыла как вкопанная.

– Гилас, мы с тобой не с того начали.

– А с чего надо? – хрипло выговорил мальчик.

– Какие бы боги ни покровительствовали Египту, они не станут нам помогать, пока мы не принесем подношение.

Гилас в ужасе уставился на Пирру:

– Как же я забыл?

– У меня самой из головы вылетело. Мы должны были принести подношение, как только ступили на берег. А без него мы далеко не уйдем.

Гилас вытер пот с лица и бросил Пирре львиный коготь, который носил на шнурке на шее, а девочка сняла уаdjет – принадлежавший Усеррефу амулет в виде глаза. Пирра носила его еще на Кефтиу. Торопливо пробормотав себе под нос молитву, Пирра отыскала колючий куст и сунула змеиную голову между его веток. Эхо до нее не доберется: соколиха улетела охотиться. А Разбойница ушла вперед и не видела, как Пирра принесла подношение. На секунду приложив к змеиной голове оба амулета, Пирра побрела по песку к Гиласу и вернула ему львиный коготь.

– Кому ты молилась? – спросил мальчик, когда они продолжили нелегкий путь.

– Той, кого я называю Богиней, а ты – Повелительницей Зверей. А еще двум самым могущественным богам Египта.

– Каким?

Гилас глядел под ноги, высматривая камешки для пращи.

– Херу, богу с соколиной головой, и Сехмет – у этой богини голова львицы. Я про них сразу вспомнила из-за Эхо и Разбойницы.

Гилас бросил камешек в мешочек на поясе:

– А что, у египтян и другие боги есть?

– Да, очень много. Когда я была маленькой, Усерреф рассказывал мне про них истории...

Пирра осеклась. Усерреф заботился о ней с рождения, и Пирра ужасно по нему скучала. Четырнадцать лет он играл с ней, учил уму-разуму, следил, чтобы Пирра не попала в беду, и рассказывал про свою горячо любимую родину – Египет. Усерреф стал для Пирры не просто рабом. Он ей как старший брат.

– Пирра! – окликнул ее Гилас. – Так кому еще поклоняются египтяне?

– Э-э-э... У них есть бог с головой шакала – это такое животное вроде лисы. А другой бог похож на речную лошадь...

– На кого?!

– Так называются толстые звери со здоровенной мордой. Они в реках живут. А еще есть бог-крокодил. Понятия не имею, что это за существо.

Гилас нахмурился:

– Когда я попал в рабство на шахты, познакомился с одним парнем из Египта. Он рассказывал про крокодилов. Говорил, что это гигантские ящерицы, шкура у них прочнее доспехов и они едят людей. Я думал, врет.

– Выходит, что нет.

Гилас помолчал. Прищурившись, мальчик разглядывал каменную гряду. До нее оставалось всего сорок шагов.

– У тебя зоркий глаз. Ты тоже видишь, как по камням люди карабкаются?

У Пирры замерло сердце. Сквозь мерцающую дымку она разглядела среди камней маленькие темные фигурки.

– Подношение помогло! – хрипло воскликнула девочка. – Мы спасены!

Чем ближе они подходили, тем сильнее Гиласа одолевала тревога. Он никогда не видел, чтобы человеческие существа передвигались так быстро, да еще и на четвереньках.

Гилас схватил Пирру за руку:

– Это не люди!

Девочка выставила перед собой ладонь, заслоняя глаза от Солнца.

– Кто же это такие? – шепотом произнесла она.

Странные звери смахивали на помесь человека и собаки: густая серовато-коричневая шерсть, мохнатые хвосты, длинные мощные руки, а красные лица узкие, костистые.

«Уж не демоны ли они?» – встревожился Гилас. Но нет. Конечно, голова у него кружится, а из-за жаркой дымки подрагивает все вокруг: и камни, и его собственная тень. Но виска не касается пылающий палец, как всегда бывает перед видением.

Вдруг мальчик почувствовал на себе чей-то взгляд.

– Смотри, – выдохнула Пирра.

Справа, в двадцати шагах от путников, на верхушке одинокого валуна примостилось одно из диковинных существ. Этот зверь крупнее остальных. «Должно быть, вожак», – подумал

Гилас. Свальявшаяся шерсть на массивной груди вся в запекшейся крови, тяжелые брови нависают над маленькими, очень близко посаженными желтыми глазками. И смотрят они недобро.

– Только не беги, – тихонько велел Гилас. – Повернешься к этому зверю спиной – решит, что мы добыча.

Гилас и Пирра медленно попятились.

Зверь оскалил длинные белые клыки и издал резкий звук, напоминающий хриплое гавканье. Не иначе как сигнал к нападению!

За спиной вожака у основания каменного гребня собралась вся стая. Но звери поглядели на лающего вожака и вернулись к своей добыче. Только тогда Гилас заметил тушу большого белого животного наподобие оленя, только с длинными спиральными рогами. Вот сильные, почти человеческие руки с треском ломают ребра, раздирают брюхо, копаются в блестящих кишках. Один из зверей схватил «оленя» за заднюю ногу и открутил ее так легко, будто имел дело с крылышком перепелки.

А сидевший на валуне вожак развернулся и разразился яростным лаем. Так, значит, он лаял не на Гиласа с Пиррой.

И тут у мальчика сердце ушло в пятки.

К туше подбиралась Разбойница. Львица задумала распугать этих зверей и отобрать у них добычу, но это ей не привычные лисы и лесные куницы!

– Разбойница, уйди оттуда! – прокричал Гилас.

Маленькая львица прекрасно знает свое имя, но в этот раз она и глазом не моргнула. На корабле съестного ей перепадало мало, а парой кусков змеи сыта не будешь. Трудно устоять, когда чуешь аромат свежего мяса.

– Разбойница, вернись! – хором закричали Гилас и Пирра.

Тут львица перестала красться и бросилась в атаку, рыча и размахивая передними лапами. Но вместо того чтобы пуститься наутек, странные существа кинулись на нее, остервенело лая и щелкая клыками. Вдобавок из пещер наверху выглянули другие такие же звери и потоком хлынули вниз, присоединяясь к атаке. А вожак несся по песку – неуклюже, но очень быстро.

Гилас и Пирра кинулись за ним. Мальчик вопил во всю глотку и обстреливал вожака из пращи, а девочка швыряла в него камни.

Разбойница сообразила, что дала маху, и пустилась прочь. Гилас и Пирра – следом.

На бегу мальчик оглянулся через плечо. Но никто за ними не гнался. Звери подпрыгивали у основания каменной гряды и били по песку кулаками.

Вожак сидел на корточках и буравил свирепым взглядом незваных гостей, дерзнувших приблизиться к его крепости. Он будто говорил: «Бегите-бегите, и чтобы я вас больше здесь не видел!»

– Павианы – вот кто это был! – отдуваясь, проговорила Пирра через некоторое время. – Я вспомнила – Усерреф про них говорил, только вот название из головы вылетело.

– Может, у египтян и бог-павиан есть? – пропыхтел Гилас.

– По-моему, да. Они очень умные и ничего не боятся.

– Это я и сам понял!

Солнце вот-вот сядет, но палит все так же беспощадно. Гиласу и Пирре пришлось вернуться обратно к берегу. Пройдя мимо того места, где их высадили финикийцы и где они убили змею, Гилас и Пирра с опаской направились к еще одной гряде валунов. Только бы там нашлось укрытие! Но вдруг павианы облюбовали и это место?

Гилас взял пращу и стал стрелять из нее по камням.

Ни злобного лая, ни толпы разъяренных полулюдей-полусобак.

Велев Пирре подождать в стороне, Гилас подобрался ко входу в пещеру и метнул внутрь несколько камней: если тут кто-нибудь прячется, то сразу выскочит. Из темноты вылетела пара летучих мышей, но похоже, больше там никто не скрывается.

– Чисто, – объявил Гилас.

Оставив вещи у входа, мальчик заполз внутрь. Духота, но главное, что здесь можно укрыться от жгучего Солнца.

Пирра тоже забралась за ним и сразу растянулась на боку. Песок облепил блестящее от пота лицо, а когда девочка стянула сандалии, на ногах остались красные полосы от ремешков.

До Моря недалеко, но путники слишком измучились, чтобы лезть вниз и умываться. «Надо беречь силы», – рассудил Гилас. Ему еще ловушки ставить.

Мальчик вышел из пещеры. Сверху он увидел неподалеку низкий каменный гребень, а за ним раскинулась необозримая красная пустыня. Казалось, она простирается до самого края света.

Ветер донес до Гиласа странное твяканье. Может, это и есть те самые шакалы? Наверное, днем пустынные жители прячутся от Солнца, а выходят только по ночам. Вот и Разбойница, чувствуя приближение сумерек, отправилась на охоту. Только бы у нее хватило ума не заманиваться на дичь посерьезнее ящериц и зайцев – если они водятся в этих краях. Ну и конечно, пусть держится подальше от павианов.

А в пещере Пирра закашлялась и попыталась хоть как-то пригладить облепленные пылью волосы.

– Сколько у нас воды осталось?

Гилас взвесил в руках бурдюк, потом снова поставил его у входа в пещеру.

– На день хватит. Может, растянем на два.

Пирра не ответила, лишь облизнула потрескавшиеся губы.

– Отдохнем немного, – объявил Гилас. – Но до утра спать нельзя.

– Почему?

– Из-за Солнца, Пирра. Мы с тобой неправильно сделали: днем тут далеко не уйдешь. Теперь будем идти только по ночам, а то сторим.

– И куда же мы пойдем? – проворчала Пирра. – Опять на запад? Попробуем прошмыгнуть мимо павианов? Или и дальше будем идти на восток и молиться, чтобы Река оказалась там?

Гилас промолчал. Один план хуже другого.

Достав из мешочка на поясе все, что осталось от змеи, мальчик бросил мясо Пирре:

– Пойду соберу колючек и разбужу огонь.

Пирра глянула на истерзанную тушку:

– Я не голодна.

– Нам нужны силы. Пожарим – будет съедобнее.

Кроваво-красный огненный шар Солнца катился к горизонту, но зной царил все такой же невыносимый. Когда Гилас спускался по склону, каменный гребень у него перед глазами будто танцевал в жарком воздухе, а длинная тень за спиной приобрела странную, непривычную форму.

– А если мы не доберемся до Реки? – прокричала Пирра вслед Гиласу. – Так и будем тащиться по бескрайней пустыне?

– Не знаю, – ответил Гилас.

Тут уголком глаза мальчик заметил, что его тень вдруг пришла в движение и зажила своей жизнью.

Гилас не сразу сообразил, что видит перед собой не тень, а мальчика, темного, будто тень. Но не успел Гилас опомниться, как тот схватил бурдюк и бросился наутек.

3

Воришка закинул бурдюк на плечо и со всех ног понесся к каменному гребню. Если затеряется среди камней, там его нипочем не отыскать!

Гилас поспешил вдогонку, вращая над головой пращу. Мальчишка вскрикнул, упал и схватился за голень. Гилас прыгнул на нежданного гостя и попытался прижать к земле, но противник оказался силен, вдобавок изворачивался как угорь и чуть не ударил Гиласа коленом в пах. Тот вовремя уклонился и надавил локтем на шею мальчишки. Воришка закашлялся, захрипел и все равно вывернулся. Гилас схватил его за волосы, но они оказались короткие, как у стриженного барана, – толком удержать не за что. Беглец вскочил и выхватил из ножен на предплечье нож из кремня. Размахивая своим оружием, мальчишка попятился к валунам. Бурдюк по-прежнему висел у него на плече.

– Брось бурдюк! – пропыхтел Гилас, доставая собственный нож и показывая противнику его смертоносный бронзовый клинок. – Не хочу тебя убивать, но если придется...

Вор прорычал что-то на незнакомом Гиласу наречии. Он подбирался все ближе к валунам.

Тут прибежала Пирра и встала у воришки на пути. Сбив ее с ног одним ударом, тот понесся к камням. Гилас следом.

Вдруг Гилас заметил на гребне какое-то движение. Разбойница! Она глядела прямо на воришку. Тот взвыл от страха и метнулся в сторону. Львица настигла вора легко, всего в два прыжка.

– Брось нож! – рявкнул Гилас.

– Попробую сказать на египетском! – И Пирра прокричала какие-то непонятные слова.

А Разбойница нависла над «добычей», игриво постукивая воришку по голове передними лапами. Тот беспомощно махал руками и ногами, будто опрокинутый жук – лапками. К счастью для него, львица не выпускала когти: она всего лишь забавлялась.

– Брось нож, или прикажу своей львице тебя разорвать! – пригрозил Гилас.

Вор зашипел, точно змея, и отшвырнул нож. Гилас оттолкнул оружие ногой, чтобы воришка до него не дотянулся, потом схватил бурдюк и бросил его Пирре.

– Видно, по-акийски он все-таки понимает.

– Как тебя зовут? – спросила Пирра на акийском.
Но мальчишка лишь глядел на нее исподлобья.

Потом Пирра сказала еще что-то – наверное, на египетском. Но ответа не дождалась. Девочка только руками развела.

– Почему он не отвечает?

– Помалкивать надежнее, – ответил Гилас. – Я бы на его месте тоже держал язык за зубами.

Пирра сбегала за веревкой, Гилас связал мальчишке руки, и они притащили пленника в свою пещеру. Ночь наступила на удивление внезапно. Гилас и Пирра сложили из колючих веток костер и разбудили огонь. Воришка, съезжившись у дальней стены пещеры, все поглядывал на Разбойницу. Львица сидела у входа, втягивая носом его запах. Мальчишка оставался настороже, но испуганным больше не выглядел, а значит, он или храбрец, или дурак. Что-то в его поведении подсказывало Гиласу, что парень отнюдь не глуп.

На вид воришка примерно одних лет с Гиласом, а кожа у него не черная, как сначала показалось акийцу, а насыщенного темно-коричневого оттенка – точь-в-точь отполированное ореховое дерево. Гилас ни разу не встречал таких людей. Жесткие курчавые черные волосы пострижены очень коротко, а прямые бугристые шрамы на высоких скулах, похоже, нанесены нарочно. Мозолистые ноги босые, а из одежды на парне только потрепанная набедренная повязка. Зубчатый кремневый нож напомнил Гиласу его собственный: он много лет носил при себе такой же. Но за поясом у мальчишки обнаружился кусок согнутого дерева, смахивающий на двусторонний треугольник. Такого оружия Гилас еще не видел.

Пирра отошла в сторону и жестом подозвала Гиласа.

– Вдруг поблизости его дружки бродят? – произнесла она.

– Будем надеяться, что нет, – вполголоса ответил Гилас. – Нам и без того неприятностей хватает. Кто он такой? Явно не египтянин, это даже я вижу. Ты когда-нибудь встречала людей с такой темной кожей?

Пирра кивнула.

– Они иногда приплывают на Кефтиу торговать. Это люди пустыни, их земля рядом с египетской. Только про них говорят, что храбрости им не занимать, – прибавила Пирра – громко, чтобы мальчишка слышал. – А бурдюки у путников одни трусы воруют.

Как девочка и рассчитывала, ее слова задела мальчишку. Тот едва не испепелил ее взглядом.

Подойдя вплотную к Гиласу, Пирра понизила голос до шепота:

– Что будем с ним делать? Не можем же мы бросить его связанным! Но отпускать его тоже нельзя...

Гилас приблизился к мальчишке и поглядел на него сверху вниз.

– Ты один? – строго спросил он.

Воришка отвернулся, стиснул кулаки, и на руках заиграли мышцы.

Спину мальчишки крест-накрест пересекают шрамы, только они совсем не похожи на ровные бугристые линии на его щеках. Подобные отметины остаются только от побоев. Уж Гиласу ли не знать? У него самого такие есть.

Тут Гиласа осенило. Присев на корточки, он посмотрел мальчишке в глаза.

– Тебя захватили в рабство, – произнес Гилас.

На угрюмом коричневом лице не дрогнул ни один мускул.

– Я тоже когда-то был рабом, – продолжил Гилас. Вытянув руку, он показал мальчишке татуировку-зигзаг на предплечье. – Вот знак моих врагов. Далеко на севере есть земля Акия, и в тех краях они могущественный клан. Люди прозвали их Вороны.

Веки мальчишки дрогнули. Неужели это слово ему знакомо? Или он узнал татуировку?

– Да, Вороны, – повторил Гилас. – Два лета назад я пас коз на пике Ликас. Это в Акии. Вороны напали на нашу стоянку и убили мою собаку. Моя сестра пропала. Мне тогда было двенадцать, а ей девять. А потом оказалось, что мой лучший друг Теламон – Ворон.

Гилас сглотнул ком в горле. Он сам не ожидал, что так разоткровенничается.

– Вороны поймали меня и заставили им служить, – продолжил Гилас. – Отправили работать в свои шахты. Но я спасся. – Мальчик помолчал, давая пленнику время обдумать его слова. – Ты, наверное, тоже сбежал.

Пленник упрямо не показывал своих чувств, но Гилас видел: он слушает.

– Как тебя зовут? – спросил Гилас.

Повисло долгое молчание.

– Кем, – почти прорычал мальчишка. – Это имя дали мне они. – Его тон был исполнен глубокого презрения. – Оно значит «черный». И я не трус!

Парень говорил на ломаном акийском.

– А как тебя зовут по-настоящему? – спросила Пирра.

Кем поглядел на нее с удивлением, будто говоря: «Нашли дурака, так я вам и сказал!»

– Значит, будешь Кемом, – произнес Гилас. – Куда ты идешь?

Мальчишка снова медлил с ответом.

– В мою страну. Вы ее называете Уауат, а египтяне – Краем Черных Чужеземцев.

– А твои люди как ее зовут? – спросил Гилас.

Кем выпалил что-то неразборчивое.

– Давно ты в бегах? – спросил Гилас.

Кем пожал плечами:

– Дней пять-шесть.

– Далеко твоя страна? – спросила Пирра.

– Она к югу от Египта, – ответил Кем. – Надо долго-долго идти вверх по Реке.

Гилас и Пирра переглянулись.

– По Великой Реке? – уточнила девочка. – Той, которую египтяне зовут Итеру-аа?

Кем уставился на нее как на дурочку.

– По какой же еще? В мире только одна Река!

Пирра оскорбилась, но тут вмешался Гилас:

– Значит, нам по пути. Мы тоже идем к Реке.

– И что с того? – буркнул Кем.

– Мы ищем друга, – продолжил Гилас. – Египтянина по имени Усерреф. Нам очень нужна одна вещь, и она у него.

– Но мы понятия не имеем, где Усерреф, – прибавила Пирра. – Знаем только, что место, откуда он родом, называется Па-Собек, а еще у него есть брат Небетку, он писарь.

Кем недоверчиво фыркнул:

– И больше ничего не знаете? Хорошие же вы друзья!

Пирра сердито зыркнула на него:

– В детстве Усеррефа продали в рабство, он очень сильно тосковал по родным, и ему тяжело было о них говорить! А вообще-то, тебя наши дела не касаются!

– Спокойно, Пирра, – предостерег Гилас и снова обратился к Кему: – Приведешь нас в Па-Собек?

– Очень надо мне с вами возиться! – бросил Кем.

– Откажешься – бросим тебя здесь связанным. От жажды помрешь, – пригрозил Гилас.

Темные глаза Кема уставились на Гиласа оценивающе: мальчишка пытался понять, серьезно акиец говорит или просто пугает его.

– Я знаю пустыню, а вы нет. Без меня вам далеко не уйти.

Гилас медленно кивнул:

– Что правда, то правда. Но тут ведь вот какое дело, Кем, – мы тебе нужны не меньше, чем ты нам.

Мальчишка снова фыркнул:

– Это еще почему?

Вместо ответа Гилас подозвал Разбойницу. Молодая львица приблизилась к мальчику и потерлась о него. Тут она широко зевнула, обнажая огромные клыки. Гилас положил руку на ее массивную золотистую голову и снова посмотрел на Кема. Тот старался не подавать вида, однако во взгляде мальчишки читалось благоговение.

Наконец Гилас дружелюбно произнес:

– А вот почему. Если не поможешь нам добраться до Па-Собек, моя львица Разбойница очень-очень сильно проголодается.

Их взгляды встретились. Кем опять стал соображать, правдивы ли угрозы Гиласа. А потом мальчишка вдруг запрокинул голову и рассмеялся:

– Ну раз так, поможем друг другу! Идет?

– Где ты выучил акийский? – спросил Гилас, стирая змеиный жир с подбородка.

Кем показал три пальца:

– Три года я вкалывал на соляных рудниках. Там я подружился с парнем из ваших краев. Мы сбежали вместе, но он утонул в озере.

Кем говорил ровным тоном. Если и грустил, то не показывал вида.

– Соболезную, – произнес Гилас.

Пирра в разговоре не участвовала.

Не нравится ей этот Кем! Ведет себя так, будто она глупая девчонка, на которую внимания обращать не стоит.

– Первый раз слышу, чтобы соль из-под земли добывали, – подозрительным тоном заметила она.

– Это тебе не морская соль, – сердито возразил Кем. – Она особенная, священная, египтяне ее называют «хесмен». Они ее для всего подряд используют: и для стирки, и для лечения, и даже мертвецов посыпают, чтобы те жили вечно. – Кем вытащил кусочек мяса, застрявший между его крупными белыми зубами. – Но таким, как мой друг, хесмен не полагается. Его тело бросили на съедение шакалам.

– Да уж, мало приятного, – произнес Гилас.

Кем харкнул и сплюнул.

– Египтяне всех остальных за людей не считают. Если ты из Уауат или других иноземных краев, ты для них и не человек вовсе.

Тут Пирра не выдержала.

– Усерреф тоже египтянин! – вспыхнула она. – Но он совсем не такой!

– Думаешь? – ухмыльнулся Кем.

– Уверена!

– Точно? Кто он тебе, этот Усерреф? Не он ли тебя шрамом наградил?

– А про мой шрам даже заикаться не смей! – вскричала Пирра.

– Прекратите оба! – вмешался Гилас.

Почувствовав, что Пирра расстроена, Эхо подлетела к девочке и села к ней на плечо. Потом подошла Разбойница и привалилась к ее боку, недобро поглядывая на Кема.

Похоже, львице тоже не нравится этот чужой мальчишка, затесавшийся к ним в компанию.

Кем перевел взгляд с Разбойницы на Гиласа, потом на Пирру. Он снова невесело рассмеялся:

– Я сначала решил, что вы боги. Ты со львом, она с ястребом.

– С соколом, – холодно поправила его Пирра. – Вижу, тебе это не помешало украсть наш бурдюк с водой.

– Нет, но иначе я бы вас ради него убил.

Пирра открыла было рот, собираясь ответить, но тут вмешался Гилас:

– Далеко идти до Великой Реки, Кем?

Темнокожий мальчик пожал плечами.

– Будете меня слушаться – дня за три-четыре доберемся. – Кем ухмыльнулся. – Этих... как их по-вашему... опасностей в пустыне не счесть. Леопарды, скорпионы... Трусикам здесь не место, – добавил он, покосившись в сторону Пирры.

– Что такое «скорпион»? – нехотя процедила она.

Вместо ответа Кем выдернул из костра ветку, поворошил ею камни у дальней стены пещеры, пристукнул одним из них какое-то существо, а потом насадил его на палку и принес к огню.

– Вот, смотри.

Мальчишка помахал добычей перед носом у Пирры.

Та едва удержалась, чтобы не вздрогнуть. Скорпион смахивал на маленького черного рака, только на хвосте у него загибалось вверх острое жало.

– Очень эффектно, – сухо заметила Пирра. – А теперь рассказывай, как попасть в Па-Собек.

– Проще простого, – язвительно ответил Кем, швырнув скорпиона в костер. – Всего-то и нужно, что пересечь пустыню и прошмыгнуть мимо стражников на границе. Они ловят варваров и беглых рабов. Им за каждый труп платят, но только если доказательства предъявят.

– Рассказывай дальше, – велел Гилас.

Кем сердито глянул на него:

– Сейчас я вам объясню, что такое Египет!

Он пальцем начертил на песке перевернутый треугольник, а под ним – длинную вертикальную линию. «Ни дать ни взять цветок на длинном стебле», – подумала Пирра. Кем указал на верхнюю сторону треугольника.

– Здесь Море. А это устье Реки. – Кем жестом обвел весь треугольник. – Эту землю называют Та-Мехи, Великая Зеленая. Она как большое болото, на нем растет папирус. Каких только опасностей там нет: кобры, речные лошади, крокодилы. – Он встретился взглядом с Пиррой. – Про крокодилов слыхала?

– Ясное дело, – резко бросила та.

Кем недоверчиво хохотнул.

– За Великой Зеленой начинается Долина Реки. – Мальчишка провел пальцем по всему стеблю цветка. – Тянется она далеко, и опасностей там много-много. Река только кажется сонной, а на самом деле в воде и камней полно, и опасных течений, и отмелей. Речных лошадей и крокодилов там тоже хватает, а к хищникам еще и люди прибавляются: воины, деревенские старосты, надсмотрщики. Еды у египтян полно, зато им шагу спокойно ступить не дают: и их самих пересчитывают, и их урожаи. Сколько ты вырастил? Куда ты пошел? На Реке от лодок не протолкнуться, но если в устье войдет чужеземное судно, например с большим черным парусом, египтяне про это вмиг узнают!

Наконец мальчишка ткнул в нижний край стебля:

– Вот Па-Собек.

Пирра нервно сглотнула:

– Выходит, твоя страна, Уауат, находится к югу от Па-Собек?

Кем кивнул.

Гилас в задумчивости поводит большим пальцем по нижней губе:

– А где мы сейчас?

Кем указал на точку возле самого Моря, слева от Великой Зеленой:

– Тут.

Все трое долго молчали. Первозданную тишину пустыни нарушало только потрескивание дров в костре.

Гилас сел, скрестив ноги, и упер руки в колени.

– С чего вдруг ты заговорил про чужеземные корабли? – тихо спросил мальчик.

Пирра озадаченно поглядела на друга.

Кем пожал плечами:

– Чтобы плыть в Па-Собек, надо украсть лодку...

– Я тебя не про лодки спрашиваю, а про иноземные суда с большими черными парусами, – перебил Гилас. – Выходит, ты видел такой корабль?

Кем снова ответил упрямым молчанием.

– Нет, Кем, ты что-то недоговариваешь, – настаивал Гилас. Он указал на татуировку Воронов у себя на предплечье. – И этот знак тебе явно знаком. Верно?

Кем поерзал на месте и наконец решился.

– Слухи быстро расходятся, даже среди рабов. Недавно говорили про чужеземный корабль из Акии, с родины моего друга. Паруса черные. На борту воины. У них оружие из бронзы и черные плащи, а на щитах знак, как у тебя на руке.

Пирра забыла, как дышать. Ей в нос будто снова ударило мерзкое зловоние, смесь запахов пота и сажи: ею натираются Вороны.

В прыгающем свете костра лицо Гиласа застыло, точно маска. Его пальцы сами собой потянулись к шраму на предплечье: два лета назад Гилас вытащил из этой раны наконечник стрелы Воронов.

– Не знаешь, зачем они приплыли? – хрипло выговорил мальчик.

Кем снова пожал плечами:

– Говорят, они привезли бронзу для Перао. Перао – это вождь всего Египта. Ему нужна бронза, чтобы сражаться с врагами. Воины пришли на черном корабле, Перао забрал свою бронзу и разрешил им плыть дальше вверх по Реке...

– Давно пришел этот корабль? – перебила Пирра.

– Давно, – ответил Кем.

– Когда? – хором вскричали Гилас и Пирра.

– Почти две луны назад.

4

Погоняя лошадей хлыстом, Теламон с грохотом несся на колеснице следом за добычей. Бегущие по пустыне антилопы напрягали все силы, но Теламон уже нагонял их, к тому же одна самка отстала от стада.

Передав и поводья, и хлыст Иларкосу, Теламон натянул тетиву лука. Стрела вонзилась антилопе орикс в шею, животное на бегу перекувырнулось через голову и рухнуло на песок.

Окруженный клубами рыжей пыли, Иларкос натянул поводья и остановил колесницу. Теламон спрыгнул и добил антилопу ножом.

– Меткий выстрел, мой господин, – переводя дух, похвалил Иларкос.

Теламону хотелось кричать о своей охотничьей доблести во весь голос, но так себя ведут только мальчишки, поэтому он лишь коротко кивнул.

Подбежали слуги, тащившие предыдущую добычу Теламона: он убил страуса и самку леопарда вместе с двумя детенышами.

«Неплохо для одного утра», – мысленно отметил Теламон.

Он поддел ногой тушу антилопы.

– Меня интересуют только рога, – сказал он Иларкосу. – Проследи, чтобы их доставили вместе со всем остальным. А я возвращаюсь.

Солнце поднималось все выше, а Теламон летел на своей колеснице через пустыню. Проскочил через ущелье между скалами, которые высились над Западным Берегом, пронесся мимо полей и теснившихся у Реки поселений крестьян и строителей гробниц, потом съехал вниз, к воде. Там его ждала баржа Хати-аа.

Бросив колесницу и измученных лошадей (в конюшню их отведут рабы), Теламон поднялся по сходням и рывкнул на гребцов, приказывая им доставить его на другой берег, в Па-Собек.

В бодром настроении Теламон расположился под навесом и провел ладонью по подбородку: наконец-то у него пробивается борода! Сдернув с головы шлем, он принялся с восхищением разглядывать ряды костяных пластин, вырезанных из кабаньих клыков.

– Мой шлем, – с гордостью произнес Теламон вслух.

Сын вождя сам убил двенадцать кабанов, а значит, теперь он мужчина и воин.

Теламон глянул на запястье. Там висела печать Пирры с крошечным аметистовым соколом.

– Ты насмехалась надо мной, – вполголоса обратился к ней Теламон. – Обзывала меня Вороном. Но твои оскорбления меня не задевают, Пирра. Я не Ворон, я воин из Дома Коронов. Перао всего Египта дал мне полную свободу действий, а правитель Па-Собек каждый вечер устраивает пир в мою честь. Что ты на это скажешь?

Баржа подплывала все ближе к Восточному Берегу, и перед Теламоном раскинулся Па-Собек, окруженный зелеными фруктовыми садами и плодородными полями.

Вот высокие белые дома и многолюдный рынок, расположенный в тени причудливых деревьев с узкими острыми листьями: здесь их называют финиковыми пальмами. Гигантские базальтовые соколы охраняют каменную пристань и обсаженную деревьями широкую улицу, в конце которой за высокими стенами скрывается от глаз непосвященных огромный Храм.

Дальше по берегу расположен дворец Хати-аа. По размерам и великолепию он намного превосходит дворец в Микенах, где правит дед Теламона, а ведь это даже не главная резиденция: она выше по течению, возле границы с Уауат. А во дворце, в котором волей-неволей пришлось задержаться Теламену и Алекто, Хати-аа живет только тогда, когда хочет быть поближе к Храму.

Но Теламона так просто в трепет не повергнуть. Он презирает египтян, всех до единого. Да, богатств у них не счесть, зато воевать они толком не умеют. У Хати-аа есть отряд воинов, но ни шлемов, ни доспехов они не носят, а еще несколько лет назад эти олухи ходили в бой с оружием из мягкой меди и представления не имели о бронзе.

Но Хати-аа больше интересуют растения. Он даже держит рабов, единственная обязанность которых – ухаживать за деревьями, цветами и прудом с рыбами. Все это Хати-аа называет садом. Мало того – во внутреннем дворике дворца он устроил еще один сад, поменьше. Спрашивается, зачем? Какой от них прок?

Ну а что касается самого Хати-аа, то Теламон не видел его с тех пор, как тот заболел и поручил гостей заботам своей юной жены Меритамен. Какому мужчине придет в голову оставить за главную четырнадцатилетнюю девчонку?

Над двором кружили ласточки. Теламон вошел во дворец. Колонны, увенчанные капителями в форме цветов папируса, прохладные коридоры, выложенные зеленой и желтой плиткой, полы из полированного гипса, устланные сладким клевером: его аромат отгоняет мух...

Раскинувшийся перед Теламоном сад радует глаз ярким разноцветьем: здесь и гранатовые деревья, и синие васильки, и белые водяные лилии в зеленом мраморном пруду.

Жена Хати-аа и ее маленькая сестренка играли со своими питомцами. При появлении Теламона обе застыли и уставились на него.

Младшей сестре Меритамен шесть лет. Голова у нее выбрита наголо, оставили только косицу на виске. Девчонка бежит почти голая, если не считать набедренной повязки из голубого бисера. Теламон ни разу не видел ее без любимой кошки.

Супруга Хати-аа весьма хороша собой: она чем-то напоминает Теламену ручную газель, которая ходит за Меритамен по пятам. Большие темные глаза, обведенные черным, длинная челка, закрывающая лоб, многочисленные тонкие косички, рассыпавшиеся по спине. Узкое платье из белого льна с тонкими складками выгодно оттеняет ее гладкие коричневые плечи и узоры из хны на ступнях.

Чтобы показать, как непринужденно он чувствует себя в ее присутствии, Теламон положил шлем на землю, сполоснул руки в пруду, а потом стал умываться.

Младшая сестренка подхватила кошку на руки и попяtilась. Меритамен положила ладонь ей на затылок, будто хотела защитить малышку.

– Охота прошла удачно, господин Тел-амон? – тихо спросила жена Хати-аа.

Во дворце акийским владеет только она: научилась от няньки. Но Меритамен старается лишний раз не встречаться с Теламоном взглядом, и это его ужасно раздражает. Теламон ведь парень видный, ну чем он ей не угодил?

– Подстрелил леопарда и двух детенышей, – ответил Теламон, выжимая длинные косы: такие носят все воины.

Вдруг малышка сдавленно хихикнула. Меритамен обернулась и ахнула.

Теламон застыл как вкопанный. Газель только что навалила аккуратную кучку помета прямо в его перевернутый шлем!

От гнева у Теламона кровь зашумела в ушах.

– Ах ты, грязная...

Теламон замахнулся ногой, но эта тварь убежала в коридор.

Малышка тщетно пыталась сдержать смех, зарывшись лицом в кошачью шерсть. Наверху, на балконе, раб фыркнул и тут же зажал рот рукой.

Меритамен пришла в смятение:

– Прости, господин Тел-амон.

Жена Хати-аа отдала резкий приказ рабыне, и та кинулась вытряхивать из шлема помет.

Схватив шлем, Теламон зашагал прочь. Но в ушах так и стоял смех рабов и женщин.

Казалось, будто он целую вечность поднимался по лестнице, ведущей на мужскую половину дворца. Добравшись до своих покоев, Теламон сорвал с себя пропитавшуюся потом тунику и крикнул, чтобы ему подали воды и вина. Никогда еще Теламон не испытывал к Египту такой ненависти, как в этот момент. Все здесь смотрят на него свысока и насмеваются над ним!

Над Теламоном потешался даже раб Пирры, Усерреф. Окровавленный, избитый, он с вызовом смеялся прямо Теламону в лицо. А потом и вовсе ухитрился сбежать.

И теперь дни утекают сквозь пальцы, как песок в этой распроклятой пустыне, а Теламон не имеет ни малейшего представления, где искать кинжал.

– Ну, с кем сегодня расправился? – промурлыкала Алекто вечером, когда они сидели рядом на пиру. – Добыл наконец-то льва?

Теламон надулся. Алекто прекрасно известно, что нет, просто она хочет заставить его сказать об этом вслух.

– Я убил леопарда, – сообщил Теламон. – Такого же, как твоя любимая игрушка.

Алектю рассмеялась. На днях леопард оцарапал ей руку, и Алекто велела перерезать зверю горло.

– Что-нибудь новое узнала? – строго спросил Теламон.

Алектю повернулась к Керашеру и приняла от него инжир с улыбкой, от которой египтянина бросило в пот.

– Очень на это надеялась, – ответила она Теламону. – Мой раб разыскал одного довольно многообещающего крестьянина, но у того отказало сердце.

При этом воспоминании губы Алекто растянулись в улыбке, напоминающей оскал.

Так Алекто улыбается, только когда думает о чужой боли – или, еще лучше, наблюдает, как кто-то мучается. Она с одинаковым удовольствием смотрит, как людей бьют и как им зашивают раны. Чем больше страданий испытывает несчастный, тем лучше. Главное – побольше боли.

Этим вечером Алекто особенно хороша в одеянии из алого шелка с поясом из позолоченной телячьей кожи. В темные волосы вплетены золотые змеи. Теламон ненавидит и боится свою тетю, но в Египте он убедился, что дед поступил правильно, отправив с ним ее, а не Фаракса.

– В тех краях сила тебе не поможет, – сказал Коронос. – Египтяне восхищаются красотой. От Алекто тебе будет больше пользы, чем от Фаракса.

Теламон был обескуражен:

– Как же мы заставим их искать для нас кинжал?

И как Теламону уцелеть в Египте, этой загадочной, невообразимо богатой земле на краю света, если в его распоряжении всего один корабль и сорок воинов?

– Перао обладает огромной властью, – ответил Коронос. – Но даже он уязвим. Несколько лет назад он прогнал из своей страны чужеземцев с востока, и я ему в этом помог. Армия Перао нуждалась в бронзе, и я продал ему металл. Вы тоже возьмете с собой бронзу, и в знак благодарности Перао поможет вам найти кинжал.

План деда сработал. На корабле, груженном бронзой, Теламон с легкостью купил себе право пересечь болотистую местность и прибыть в Уасет, где стоит величественный дворец Перао. Там божественный владыка лично предоставил Короносам полную свободу действий и поручил Керашеру оказывать им всяческую помощь. Шпионы Керашера выследили Усеррефа здесь, в Па-Собек, самой южной провинции Египта. Но с тех пор уже прошла одна луна.

Обнаженная рабыня поднесла Теламону блюдо с плодами дум-пальмы, но тот лишь отмахнулся и рявкнул, что хочет выпить.

Перед ним тут же возникло гранатовое вино со специями в бирюзовой чаше, расписанной черными цветами лотоса. Теламон заставил себя осушить ее до дна. До чего ему надоели пиры! Флейты, благовония, опахала из страусиных перьев, блестящие от масла голые руки и ноги танцовщиц... Теламон уже не может смотреть даже на жареное буйволиное мясо с корицей и кунжутом и на пышный белый хлеб со сладкими финиками.

Теламон подумал о грамоте, которую выдал им Перао: эта штука сделана из чего-то наподобие плетеного тростника; египтяне называют ее свитком. На ней нарисованы крошечные непонятные картинки. Глядя на них, Теламон чувствует себя дураком. Не нужны ему никакие свитки! Он хочет только одного: найти кинжал Короносов, ощутить, как сила разливается по сухожилиям и заставляет кровь пылать...

– Слышала, с твоим шлемом случилась неприятность, – произнесла Алекто.

Теламон холодно взглянул на нее:

– А ты чем занималась весь день? Или только крестьян пытала?

Алектю ногтем разрезала темную кожуру инжира и понюхала фиолетовую мякоть.

– Меритамен юна и неопытна, но, по-моему, ей что-то известно.

– Почему ты только сейчас об этом узнала?

– Наберись терпения, племянник...

– Тут никакого терпения не хватит!

Теламон поставил чашу на стол с таким громким стуком, что музыка стихла, а все пирующие устали на него.

– Я и так уже слишком долго ждал! Отныне будем все делать по-моему!

– Больше не стану сидеть сложа руки, – объявил Теламон, когда в зале остались только Алекто, Керашер и Меритамен.

Жена Хати-аа напряженно застыла в кресле из черного дерева, принадлежавшем ее супругу.

– Я уверен, что наш кинжал в Храме, – продолжил Теламон. – Прикажите его обыскать. Незамедлительно.

Меритамен взглянула на Керашера, а тот устало улыбнулся в ответ, будто Теламон говорил несусветные глупости.

– Благородный господин Теламон, – начал вельможа, – никто не имеет на это права, даже я и госпожа Меритамен. Нам вообще запрещено заходить в Храм! Внутри допускаются только жрецы, служители богов. А они клянутся, что вашего амулета там нет.

– Кинжала, – поправил Теламон.

Египтянин извинился за свою ошибку дежурным поклоном, хотя с таким же успехом мог бы просто пожать плечами.

Тут Алекто обратилась к Меритамен:

– А если кинжал не в Храме, будь добра, объясни, почему вокруг него сейчас крутится столько народу?

Теламон был раздосадован вмешательством тети. Еще больше он разозлился, когда ответ Меритамен ничего не прояснил.

– Богам угодно, чтобы раз в год Великая Река разливалась, – робко ответила она. – Вода прибывает много дней, и Река скрывает землю. Мы называем это время Ахет – Время Половодья.

Теламон нетерпеливо заерзал.

– А когда вода наконец отступает, на полях остается плодородный черный ил. От него Египет рождается заново, и так повторяется каждый год с начала...

– При чем здесь кинжал? – не выдержал Теламон.

– Начало Половодья знаменует собой начало нового года, – объяснил Керашер. – Это очень важное время. Мы устраиваем великий хеб – праздник. До хеба Первой Капли осталось всего несколько дней.

– Поэтому в Храме и возле него сейчас царит такое оживление, – терпеливо закончила Меритамен.

– Но раз ты замещаешь мужа, значит правительница Па-Собек – ты, – снова вмешалась Алекто. – Неужели ты не можешь приказать жрецам...

– Нет, конечно! – рассмеялся Керашер и взмахнул мухобойкой из черного дерева. – Жрецы служат не госпоже Меритамен, а богам!

Теламон еле-еле сдерживался, чтобы не вспылить.

– Кажется, вы оба кое-чего не понимаете. Я внук Короноса, Верховного вождя Микен, а госпожа Алекто – дочь Верховного вождя.

Меритамен озадаченно взглянула на Теламона:

– Да, мы знаем, но...

– Дай мне договорить, – процедил сквозь зубы Теламон.

Меритамен нервно облизнула губы. Улыбка Керашера стала не такой уверенной.

– Перао повелел, чтобы кинжал был возвращен нам, – продолжил Теламон. – Благодаря помощи господина Керашера мы выяснили, что следы ведут в Па-Собек. Однако кинжал вы так и не нашли.

Тут улыбки пропали с лиц обоих египтян. Отлично.

– К тому времени как Река начнет разливаться, кинжал должен быть у меня, – объявил Теламон. – Иначе я доведу до сведения Перао, что его приказ не исполняется. – Теламон выдержал паузу. – И виновата будешь ты, госпожа Меритамен. Перао не важно, кто ты такая. Он нуждается в бронзе больше, чем в тебе или в Хати-аа. Достаточно одного слова моего деда, и тебя ждет наказание. Гнев Перао сметет тебя и твою семью, как песчаная буря льняные колосья. Божественный владыка вас уничтожит.

Теперь во взгляде Керашера появилось уважение. Над верхней губой Меритамен выступили капельки пота. Она глядела на Теламона с ужасом.

Сын вождя встал и направился к выходу.

– Подумай над моими словами, – велел он Меритамен.

Теламон уже собирался подняться по лестнице в свои покои, когда Меритамен отвела его в сторону.

Рабы в зале убрали со столов после пира. Меритамен вместе с Теламоном зашла в пустую боковую комнату. Стены были расписаны синими и желтыми водоплавающими птицами, а рядом с креслом из кедра стояла подставка для лампы из белого алебаstra. От горячей лампы исходил сладкий аромат масла.

– Ну? – спросил Теламон.

Он не ожидал, что Меритамен захочет говорить с ним без Керашера. Раньше она ни разу не оставалась с ним наедине.

Меритамен нервно выкручивала маленькие, покрытые узорами из хны ручки.

– Я не могу допустить, чтобы пострадала моя семья, – тихо произнесла она.

– Тогда помоги нам отыскать кинжал. Алекто думает, тебе что-то известно.

Меритамен опешила:

– Нет! Если бы я знала, где кинжал, сразу бы его отдала.

– Так узнай.

Жена Хати-аа молчала. Теламон спросил:

– Почему ты не позвала с нами Керашера?

Меритамен запнулась:

– Керашер подчиняется только самому Перао. Его шпионы не отсюда, не из Па-Собек.

Теламон затаил дыхание:

– Сдается мне, ты что-то скрываешь. Я прав?

Меритамен нахмурилась:

– Почему для вас так важен этот кинжал?

– Пока он у нас, наш клан непобедим.

Теламон решил не рассказывать о пророчестве, согласно которому Дом Короносов падет, если кинжал окажется в руках Чужака. Гилас – тот самый Чужак. А ведь когда-то этот мальчишка был его лучшим другом. Но судьбе угодно, чтобы Теламон убил Гиласа и спас свой клан.

– Мы бы отдали вам кинжал, если бы могли, – произнесла Меритамен. – Но его здесь нет!

– Я тебе не верю. Этот раб, Усерреф... Он родом из Па-Собек. Наверняка здесь живут его друзья, родные...

– Может быть, вернешься на свою землю? Найдем кинжал – тут же отправим его вам.

– Не мы одни его ищем. Наши враги хотят уничтожить кинжал и погубить мой клан.

– Кто ваши враги?

– Мальчишка, – процедил сквозь зубы Теламон. – Волосы желтые, мочка уха отрезана. А с ним – девчонка-кефтийка, у нее на щеке шрам-полумесяц. Они мои враги. Я поклялся убить их.

Теламон вообразил Гиласа и Пирру такими, какими видел их во время последней встречи: на Пирре великолепные фиолетовые одеяния покойной матери, вокруг рук обвилились живые змеи, а ей на выручку летит сокол. А Гилас весь в крови, но готов к бою, а молодая львица спешит его защитить.

– Нет, до Египта им никак не добраться, – рассудил Теламон, не столько обращаясь к Меритамен, сколько успокаивая себя. – Но если до ваших шпионов дойдут слухи про эту парочку, сразу докладывай мне. Это понятно?

Меритамен медленно кивнула. Она подняла голову и посмотрела на Теламона.

– Я не допущу, чтобы этот кинжал погубил мою семью, – с неожиданной твердостью объявила Меритамен. – Керашеру нет дела до народа Па-Собек. Но я не такая. Я разыщу ваш кинжал, и Керашеру необязательно знать, что я для этого сделаю.

– А как же...

– Тебе тоже не нужно забивать себе голову, господин Тел-амон. Я добуду для тебя кинжал. Но только при условии, что ты дашь мне защитить свой народ и позволишь поступать так, как я считаю нужным.

5

Гилас поравнялся с Пиррой. Его светлые волосы блеснули в лунном свете.

– Кем говорит, до Великой Зеленой совсем недалеко.

Пирра фыркнула:

– И ты ему веришь?

– Если бы не он, нас бы уже в живых не было.

Пирра нехотя признала, что Гилас прав. Три дня, по ночам и рано по утрам, неутомимый Кем вел их через пустыню. Он научил их мазать нижние веки углем, чтобы Солнце не так сильно било в глаза, и дал им по камешку: когда кладешь его в рот, жажду переносить легче. Каким-то чудом Кем умудрялся добыть достаточно съестного, чтобы они не умерли с голоду: горькие корни, бугристые листья терновых кустов, а один раз даже дикобраза (ох и плевалась же Пирра!). А этим вечером Кем выслеживал кого-то покрупнее, а кого – не рассказывал.

Пирра по-прежнему ему не доверяла.

– А вдруг он передаст нас с рук на руки стражникам из пограничного патруля? Он ведь постоянно про них твердит!

– Какая ему от этого выгода? – рассердился Гилас. – Его тогда тоже схватят!

Пирра не ответила. Сколько можно страдать от голода и жажды? Сандалии натерли ноги до волдырей, но идти босиком Пирра боялась: как бы не наступить на скорпиона. А еще ей не давала покоя тревога за Усеррефа. Вороны в Египте уже давно. Что, если они нашли его? Пирра представила, как Усеррефа бьют и пытаются. У нее чуть сердце не разорвалось.

Тут Гилас дотронулся до ее плеча:

– Смотри! Кем напал на след.

Впереди Кем присел на корточки и стал разглядывать песок. Чернокожий мальчик почти сливался с темнотой.

– Главное, чтобы он не притащил второго дикобраза, – пробормотала Пирра.

Кем сердито махнул на нее рукой, давая понять, что разговаривать сейчас нельзя, потом указал в нужном направлении своим бумерангом и кивком позвал с собой Гиласа. Пирру Кем вниманием не удостоил: считает, что от нее на охоте никакой пользы.

Разбойница тоже почуяла добычу. Молодая львица, крадучись, зашла слева, чтобы отсечь добыче пути к отступлению. Шерсть Разбойницы серебрилась в лунном свете. Она двигалась бесшумно, низко опустив голову. Вдруг львица застыла с поднятой передней лапой.

Пирра уловила вдалеке какое-то движение. Стараясь не издавать ни звука, она подобралась к Гиласу. Тот ошеломленно уставился прямо перед собой.

– Это кто такие? – прошептал мальчик. – Смахиывают на птиц, но таких здоровенных я не видел!

Птицы и впрямь выше человеческого роста. Аккуратно переступая огромными когтистыми ногами, они склоняют длинные бледные шеи и клюют что-то в песке.

– Наверное, это страусы, – шепотом ответила Пирра. Стоило ей вспомнить об их гигантских яйцах в Доме Богини, как в животе у девочки заурчало. – Надеюсь, их мясо съедобное.

Гилас бесшумно обошел птиц справа. Разбойница слева, Кем посередине – добыча в кольце. Пирра достала нож, гадая, где встать ей.

Внезапно один страус вскинул голову, и вся стая бросилась наутек. Птицы неслись по песку с невероятной скоростью. Они бежали прямо на Гиласа. Акиец и Кем выскочили из укрытия и атаковали страусов: Гилас стрелял из пращи, Кем метал бумеранг. Но попасть в таких быстрых птиц не так-то просто. Вот они развернулись и понеслись к Разбойнице. Львица припала к земле, готовясь к прыжку. Страусы ее не заметили. Вот вожак стаи почти поравнялся с Разбойницей. Один бросок, и львица его схватит...

Но Разбойница тоже ни разу не встречала птиц-великанов. Храбрость ей изменила, и она спаслась бегством.

Стая опять повернула, но на этот раз вперед выбежала Пирра, преграждая им путь. Кем снова метнул бумеранг и сердито выругался, когда тот не долетел до цели. Гилас стал метать из пращи камешки, но тоже промазал. Страусы неслись на Пирру. Стиснув в кулаке рукоятку ножа, девочка замерла.

Но прежде чем она успела нанести удар ножом, вожак с громким топотом пронесся мимо, а следом за ним – остальные. Последний страус бежал прямо на Пирру.

– Уйди! – закричал Кем.

Однако Пирра не двигалась с места. Мощные ноги страуса ударялись о землю, точно молоты. Пирра поглядела на его широкие когтистые пальцы. Страус – всего лишь птица. Ну не растопчет же он ее, в самом деле!

Еще как растопчет. Пирра отпрыгнула в сторону, и страус пронесся мимо, осыпав ее дождем из песка.

– С ума сошла? – с трудом переводя дух, накинулся на нее Кем. – Он бы тебя одним ударом ноги разрезал, как дыню!

– Надо было заранее предупреждать! – перешла в наступление Пирра.

Вскинув руки к небу, рассерженный Кем зашагал прочь.

– Спасибо, что заступился, – язвительно сказала Пирра Гиласу, когда тот помогал ей встать.

Гилас проигнорировал этот выпад.

– Не ушиблась? – спросил он, отдуваясь.

– Нет, – соврала Пирра.

На самом деле она набила кучу синяков и расцарапала колено. А еще Пирра готова была сквозь землю провалиться от стыда. Меньше всего ей хотелось, чтобы из-за нее Кем лишний раз убедился: от девчонок никакого проку.

Разбойница тоже оконфузилась. Подбежав к Гиласу, львица потерлась о него, протяжно мяукая. Разбойница надеялась, что мальчик ее ободрит. Но Гилас лишь вздохнул:

– Нет, так не годится. С возрастом Разбойница должна осмелеть, а вместо этого она совсем трусихой стала.

– Просто Разбойница еще не привыкла к пустыне, – сердито возразила Пирра.

– Между прочим, ей почти два года. Разбойнице давно пора на крупную добычу охотиться. Не может же она одними ящерицами питаться.

Присев на корточки, Гилас почесал львицу между ушами.

– Разбойница, ты ведь уже не детеныш, ты почти взрослая. Ну как ты не понимаешь?

Пирра от души посочувствовала молодой львице:

– Она столько всего пережила. После такого любой оробеет.

Гилас печально кивнул. За свою короткую жизнь Разбойница потеряла отца с матерью, уцелела во время пожара, землетрясения, Великой волны и выживала в одиночку во время страшной долгой зимы.

– А теперь мы ее вдобавок в пустыню притащили, – произнес Гилас. – Тут и павианы, и кобры... А вчерашние гиены?

– Ничего, Разбойница и здесь приспособится.

– Другого выхода у нее нет, так что пусть осваивается побыстрее. – Гилас взглянул на Пирру. – Если Разбойница не осмелеет, так и не научится охотиться сама. А значит, она никогда не повзрослеет и не станет настоящей львицей.

Сердитая и пристыженная, маленькая львица скрылась во Тьме.

До чего же она ненавидит это место! Горячий песок кусает лапы, а от мух спасу нет. Пить нечего, деревьев почти нет: даже когти как следует почесать негде! А этот черный мальчишка, который втерся к ним в прайд, вечно отвлекает ее мальчика. Тот даже иногда забывает погладить маленькую львицу по голове.

Но хуже всего то, что здесь ей все время страшно. Змеи плюются. Мохнатые недолюди лают и щелкают зубами. А теперь еще эти чудовищные птицы. Недавно львица наткнулась на стаю собак, сгрудившихся вокруг туши самца антилопы, и попыталась их отогнать, но вышло наоборот – они прогнали ее. Львица ни разу не встречала таких странных собак: спины горбатые и пятнистые, а до чего мерзкий и хитрый у них смех! Где это видано, чтобы собаки смеялись?

Тут ветер донес до нее новый запах: поблизости заяц! Ну хоть один знакомый зверь.

Но под терновым деревом следы вдруг пропали. Чудеса, да и только! Львица принялась. Заяц наверху, среди ветвей! Все удивительнее и удивительнее! Львица знать не знала, что зайцы лазают по деревьям.

Она хотела запрыгнуть на дерево, но тут раздался свирепый предостерегающий рык.

С высоты на нее злобно глядел лев. Хотя нет, не лев. Этот зверь меньше, пахнет от него по-другому, а вся его шкура покрыта черными пятнами.

Пятнистый не-лев оскалил клыки и зашипел на маленькую львицу: «Это моя добыча, убирайся!»

Голодная и униженная, львица сбежала с позором и поплелась к своим людям.

Львам не пристало бояться собак или львов поменьше (даже пятнистых), а удирать от птиц и вовсе стыдно.

Что за ужасный край! Нет, львице здесь уж точно делать нечего.

Поначалу это место пришлось соколихе по душе. Ей нравилось смотреть, как внизу под ней проносится красно-фиолетовый песок, а до чего весело было свободно носиться в бескрайнем Небе!

Но соколиха быстро поняла, что эти края не для нее. Слишком жарко, и как бы старательно она ни чистила перья, между ними все равно застревает песок. Эхо даже пробовала купаться в Море, но от этого перья стали липкими, а когда она побарахталась в песке, стало еще хуже: оказалось, он здесь кишит муравьями, а этих насекомых она боится с тех пор, как птенцом выпала из Гнезда.

Не радует и то, что люди завели привычку перемещаться в Темноте, а ведь раньше они в это время устраивались на ночлег. А значит, вместо приятного отдыха в тишине и покое она вынуждена носиться туда-сюда по Небу и разыскивать их. Хорошо еще, что наземные создания такие медлительные – далеко уйти не успевают.

Но хуже всего то, что здесь совсем нет съедобных птиц. Какое унижение – охотиться на мелких жестких ящериц и облепленных песком мышей! Один раз соколиха заметила летучую мышь и пустилась в погоню, но возле скалы на нее напал взрослый сокол. «Моя летучая мышь, моя! – кричал он. – И скалы мои! Чтоб я тебя больше здесь не видел!»

Повернув крылья под нужным углом, соколиха отдалась на волю Ветра и позволила ему нести себя вверх, ближе к Луне.

Вдруг она заметила внизу какое-то движение. А приглядевшись внимательнее, пришла в такой ужас, что едва не соскользнула с воздушного потока.

По земле бегали птицы, но было в них что-то неестественное, неправильное. Размером крупнее оленей, они носились по песку, хлопая крошечными бесполезными крылышками. Эти птицы не могут летать!

Трудно представить участь страшнее! Не выдержав этого жуткого зрелища, она с криком кинулась искать девочку. Та ее наверняка поймет. Девочка, конечно, наземное существо и вдобавок человек, но дух у нее такой же неистовый, как у соколов, и порой они с соколихой видят и чувствуют одно и то же.

Девочку соколиха разыскала быстро. Стоило сесть ей на запястье и услышать этот спокойный, мягкий человеческий голос, как бешеное сердцебиение унялось.

А еще соколиху порадовало то, что во второй руке девочка держала белую скорлупу, а внутри птица разглядела свое самое любимое лакомство – вкуснейший яичный желток! Соколиха пила его с жадностью, при этом не забывая глядеть по сторонам. Теперь молодая львица подкрадывается к ней гораздо реже, но полностью от старой привычки пока не избавилась. Оказалось, что львица тоже любит есть яйца: она сосредоточенно жевала сразу несколько штук и ничего вокруг не замечала.

Когда все поели, Солнце уже начало просыпаться, и соколиха приободрилась еще больше. Быстренько почистив перья и с нежностью потянув девочку за волосы, она опять улетела осматривать окрестности.

Горячий восходящий поток воздуха поднял ее высоко-высоко, и соколиха увидела, что вдалеке сухая красная земля сменяется ярко-зеленым изобилием.

Радость пронзила соколиху до кончиков перьев. Больше не придется ловить ящериц и глядеть на жутких нелетающих птиц! Среди зелени мелькают бесчисленные крылья. Тут и утки, и горлицы, и голуби. Никогда еще соколиха не видела столько птиц сразу.

И вдруг на краю обширной зеленой долины соколиха разглядела кое-что еще, развернулась боком и заскользила по небу, присматриваясь как следует.

Люди. Чужие, с длинными прямыми когтями, сверкающими на Солнце.

А ее люди идут прямо на них.

6

– С чего вдруг Эхо так разволновалась? – спросил Гилас, когда они зашагали следом за Кемом.

– Может, поблизости страусы бродят, – предположила Пирра. – У меня самой от них мурашки по коже. Фу! Нелетающие птицы! Как-то это неправильно.

– Зато яйца у них очень даже правильные, – заметил Гилас.

Мальчик от души наслаждался ощущением сытости. У бредущей за ним Разбойницы пузо отвисло почти до земли: еще бы, в одиночку стрескать четыре гигантских яйца!

– Не отставайте! – хриплым шепотом велел Кем. – И осторожнее на камнях, там полно рогатых гадюк!

Пирра закатила глаза.

– Ну конечно, обычным гадюкам здесь не место, – проворчала она, когда они вслед за Кемом брели по неровной земле. – Змея без рогов – и не змея вовсе! В пустыне ведь полным-полно «опасностей» – мы, неженки, к такому не привыкли!

Пирра злилась на Кема, потому что сегодня он опять спросил, откуда у нее шрам.

– Раз уж тебе так любопытно, я сама обожгла себе щеку, – сердито бросила она. – Хотела себя изуродовать, чтобы мать не выдала меня замуж за сына вождя, которого я даже ни разу не видела. Доволен?

Но Кем удивленно покачал головой:

– Шрам – уродство? Ну вы даете! А у нас наоборот.

Пирра решила, что он над ней издевается, а когда Гилас попытался объяснить, что Кем говорит правду, девочка накинулась на него:

– Ты на чьей стороне?

Небо уже начинало светлеть, но идущий впереди Кем стал карабкаться по склону на каменный гребень, тут и там поросший колючим кустарником.

Позади фыркнула Разбойница. Львица замерла, наострив уши и высоко подняв хвост. Разбойница принялась, а потом кинулась следом за Кемом.

– Что она учуяла? – спросила Пирра.

– Не знаю, – ответил Гилас. – Но непохоже, чтобы она испугалась. Скорее, обрадовалась.

Кем стремительно взобрался на вершину и махнул Гиласу и Пирре рукой, чтобы они быстрее лезли к нему.

Внизу пустыня резко обрывалась.

Вот узкая полоска красного песка, а за ней к горизонту тянется колышущееся зеленое море камыша. Оно мерцает и шевелится, будто гигантское живое существо. До Гиласа долетают крики водоплавающих птиц, кваканье миллионов лягушек, а кое-где ярко сверкает вода.

– Что там? – пропыхтела Пирра, взбираясь следом. – Неужели...

Тут у девочки перехватило дыхание.

Вдалеке над болотами поднялось розовое облако и распалось на сотни великолепных птиц, напоминающих розовых лебедей, только с причудливыми опущенными клювами. Эхо позабыла все свои тревоги и кинулась за ними вдогонку, разгоняя их просто забавы ради. А потом соколиха исполнила в воздухе сложное, головокружительное сальто, нырнула в камыши и, спугнув стаю уток, устремилась за ними.

Наблюдая, как восторженная соколиха сеет среди местных птиц переполох, Гилас обратился к Кему:

– Это ведь...

– Да, – подтвердил Кем. – Та-Мехи. Великая Зеленая.

Голос чернокожего мальчика звучал испуганно.

Почувяв воду, Разбойница ринулась вниз по склону. Когда все трое не спеша последовали за ней, Кем произнес:

– Пойдем по краю. Надо держаться вместе. В долине легко заблудиться. Там все движется.

– Что движется? – с раздражением спросила Пирра.

Кем помолчал.

– Папирус. Вода. И животные, много животных. Там полно...

– Опасностей. Мы уже поняли, – перебила Пирра.

Эта сторона горного гребня густо поросла кустарниками. На полпути вниз Гилас остановился, чтобы вытащить из пятки шип. А когда спустился, остальные уже ушли вперед и скрылись из вида.

До Великой Зеленой оставалось пройти всего двадцать шагов, но узкая полоска песка Гиласу не нравилась: здесь он как на ладони. А впереди со скрипом покачивалась сплошная стена камыша, будто не желая пускать его в Великую Зеленую.

– Пирра! – шепотом позвал Гилас. – Кем! Разбойница!

Неужто они уже в камышах? Или Гилас просто не видит их среди колючей поросли?

Внезапно мимо пронеслась антилопа. Из-под ее копыт летела рыжая пыль. Прозрачно-белая шкура животного потемнела от пота. Антилопа явно убегала от опасности.

Спрятавшись за кустом, Гилас вытащил нож.

Долго ждать не пришлось. За антилопой гналась стая собак. Когда псы бежали мимо, Гилас разглядел их жесткую рыжую шерсть и ошейники с бронзовыми шипами. Охотничьи собаки. Не успел Гилас подумать «воины», как вслед за сворой показалась группа полуголых мужчин. Поднимая облака пыли, они бежали за собаками упорядоченным строем.

Охотники почти скрылись из вида, и вдруг мужчина, бежавший последним, вернулся, наклонился и стал разглядывать песок в десяти шагах от куста, за которым притаился Гилас.

Воин – коренастый и мускулистый, рыжевато-коричневые руки и ноги покрыты боевыми шрамами. Несмотря на раскаленный песок под ногами, воин без сандалий, а из одежды на нем только юбка из плотного льна с тесьмой из сыромятной кожи. Черные волосы подстрижены на уровне плеч, на лоб спадает челка. Хотя бороды у мужчины нет, лицо у него грубое, точно пустынная скала, а начерченные углем полосы под глазами и вовсе придают ему вид каменного изваяния. На плечах у воина висят большой лук и сплетенный из камыша колчан со стрелами, а еще он вооружен массивным копьем и длинным бронзовым ножом с изогнутым клинком. А на шнурке на шее болтаются пять сморщенных человеческих ушей.

Гиласа замутило от страха. «Им за каждый труп платят, но только если доказательства предъявят». Гилас представил, как этот воин отрубает своей жертве ухо, чтобы потом было что показать, и бросает тело на съедение шакалам...

Вдруг кто-то коснулся его руки, и Гилас едва не завопил. Но это оказалась Пирра. Глаза у нее круглые, зрачки расширены от страха.

Они стали вместе наблюдать за воином. Вот он выпрямился, огляделся по сторонам.

Тут подбежал его соратник и сказал что-то по-египетски. В ответ первый мужчина произнес одно-единственное слово. Второй воин побледнел. Вдвоем они побежали к остальным.

– Ты поняла, что они говорили? – прошептал Гилас, когда воины скрылись.

– «Лев», – так же тихо ответила Пирра. – Похоже, они увидели следы Разбойницы.

Гиласа охватила тревога.

– Стражники будут ее искать?

– Вряд ли. Охотиться на львов дозволено только Перао.

– Но если мы себя выдадим, нас они точно разыщут. Где Кем?

Пирра с отвращением бросила:

– Сбежал!

– Что?! Как?!

– Он шел впереди меня, а потом вдруг рванул во весь опор и юркнул в камыши. Хотела бежать за ним, но тут показались собаки...

– Так, может, Кем не видел, что ты отстала.

– Тогда почему потом не вернулся? Нет, Гилас, даже не спорь: он смылся. Так я и думала. Привел нас прямо к пограничному патрулю и был таков.

Гиласу не хотелось верить Пирре, но, как бы то ни было, Кем исчез. И что теперь делать? Впереди шуршат и поскрипывают камыши. От Великой Зеленой исходит гнилой болотный запах. Каких тварей там только нет: и кобры, и крокодилы, и речные лошади; Кем говорил, они могут перекусить человека пополам.

– Придется рискнуть, – вполголоса произнесла Пирра. – Здесь оставаться опасно. Вдруг стражники вернутся?

Гилас нехотя кивнул.

Срезав ветку кустарника, чтобы замечать следы, он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости. Потом Гилас и Пирра взялись за руки, бегом пересекли песчаную полосу и нырнули в заросли Великой Зеленой.

7

- Гилас, ты где?
- Здесь.
- Где – здесь? Я не...
- Иду.

Гилас протиснулся между жесткими зелеными стеблями и вернулся к Пирре.

– Мы должны держаться вместе, – сердито пробормотала девочка.

– Я думал, ты рядом. Прямо за спиной твои шаги слышал!

– Не знаю, что ты там слышал, но меня даже поблизости не было!

В неровном свете худенькое личико Пирры приобрело зеленоватый оттенок, а выющиеся черные волосы от влажности липли к плечам. «Вылитый водяной дух, – подумал Гилас. – Только сильно напуганный».

Вместе они брели по сумрачному зеленому туннелю, змеившемуся между камышей. У них под ногами чавкала грязь. Солнце взошло совсем недавно, однако зной и духота уже вступили в свои права. Вокруг заунывно жужжал гнус, мимо проносились равнокрылые стрекозы. У Гиласа больно кольнуло сердце: кваканье лягушек напомнило ему об Исси. Сестренка их обожала.

Из-под ног расползались невидимые существа; повсюду с пронзительными криками носились птицы: цапли, ласточки, утки. Некоторые похожи на пернатых из его родных краев, вот только окраска у них странная. Все перепуталось, будто во сне. Вот горлицы со злыми красными глазами, неподалеку зимородки в черную и белую полоску – а дома они синие. Один раз Гилас и вовсе заметил ярко-фиолетовую камышницу с алым клювом и ногами. Чудеса, да и только!

И повсюду с протяжными стонами раскачиваются камыши. Таких высоченных Гиласу еще видеть не доводилось. Листьев у них нет, только жесткие зеленые стебли толще его запястья и качающиеся верхушки, похожие на зеленые опахала из перьев. Камыши скрипят и перешептываются: в их царство явились незваные гости!

– Первый раз вижу, чтобы камыши росли так густо, – ворчал Гилас, продираясь сквозь очередные плотные заросли.

– Это не камыши, а папирус, – возразила Пирра. – Это священное растение. Египтяне делают из его стеблей что-то вроде полотна, а писцы чертят на нем заклęcia.

– Уж не знаю, как они называются, но эти растения нам не рады.

Похоже, они его услышали. Вдруг непонятно откуда налетел ветер, папирус неистово закачался и взял Гиласа в плотное сжимающееся кольцо.

– Помоги, – с трудом выговорил мальчик.

Даже с помощью Пирры он еле-еле вырвался из плена стеблей.

– Может, папирус просто не хочет, чтобы мы шли в ту сторону, – пропыхтела Пирра.

Ее рука скользнула к висевшему на груди уаждету.

– Но тогда нам придется зайти глубже.

Пирра кивнула.

– Надо возвращаться. Кем советовал идти по краю.

Гилас обратил внимание: хоть Пирра и уверена, что Кем их бросил, девочка все равно готова следовать его указаниям. Но Гилас рассудил, что вслух об этом лучше не говорить.

– Поверить не могу, что Кем просто сбежал, – произнес мальчик.

– А я могу, – с презрением бросила Пирра.

Гиласу очень не хотелось, чтобы Пирра оказалась права. Он восхищался умением Кема выживать в пустыне, да и вообще этот парень пришелся ему по душе.

– Что, если Кем просто испугался стражников, а потом потерял нас? Может, он сейчас нас ищет!

Пирра фыркнула. Вдруг она остановилась.

– Опять идем не туда.

Гилас кивнул:

– Вернемся обратно.

Но они никак не могли найти туннель, из которого только что вышли: папирус сомкнулся у них за спиной. А ведь Кем предупреждал, что здесь все движется. Папирус, течения...

Когда Гилас и Пирра снова зашагали вперед, папирус облегчил им задачу: он расступался перед ними, заманивая путников все дальше в дебри Великой Зеленой.

Вдалеке послышалось громкое мяуканье Разбойницы: «Где вы?» К счастью, тревоги в ее голосе не слышно: только любопытство. Подражая львице, Гилас мяукнул в ответ: я здесь!

Пирра пыталась разглядеть небо сквозь папирус – видно, высматривала Эхо. Девочка покачала головой.

– Она далеко, гоняется за птицами в свое удовольствие. Я чувствую.

Голос Пирры звучал напряженно, будто девочка храбрилась из последних сил.

– Это еще что? – вдруг прошептал Гилас.

Из густых зарослей донесся низкий рев, смахивающий на мычание: «Мву-мву».

Гилас и Пирра уставились друг на друга. Мальчик вспомнил рассказы Пирры о речных лошадях и гигантских ящерицах. Оставалось молиться, чтобы у Разбойницы хватило ума не трогать существо, издающее такие звуки.

Тут они вышли к узкому ручью. Он тек настолько вяло, что смахивал на медленно ползущую коричневую змею. На поверхности плавали огромные круглые листья водяных лилий, из-под воды пробивались заостренные бутоны, только не белые, а фиолетово-синие. От них исходило сладкое благоухание.

– Лотосы, – вполголоса пояснила Пирра. – Они тоже священные.

От приторного аромата у Гиласа кружилась голова. Виски заломило. Только бы видение не явилось!

– Как по-твоему, можно пить эту воду? – спросила Пирра.

– Как будто у нас другая есть! – буркнул Гилас.

Вода такая мутная, что дна не видно, да и привкус у нее затхлый. Зато головная боль прошла. У Гиласа гора с плеч свалилась.

– Как думаешь, это Река? – спросил Гилас у Пирры.

Но девочка покачала головой:

– Усерреф говорил, она шириной в два полета стрелы или даже больше.

Гилас наполнил бурдюк и опустил в воду пальцы, проверяя, в какую сторону движется течение. Солнце отсюда видно плохо, но похоже, что ручей течет на север. Мальчик указал на юг:

– Нам туда.

– Откуда ты знаешь?

– Ничего я не знаю, но когда реки впадают в Море, они иногда разделяются на множество узких протоков. Видно, это один из них. Если пойдем вверх по течению, может быть, выйдем к Реке.

Но не успели они уйти далеко, как их снова позвала Разбойница: «Где вы?»

Гилас открыл было рот, собираясь ответить, но тут же притих.

– Чуешь? Дымом пахнет! – прошептал мальчик.

Пирра кивнула:

– Слышал? Кажется, осел кричит!

Впереди папирус поредел и превратился в обычные заросли камышей, к каким Гилас привык с детства. Вглядываясь вперед, он увидел еще один водный проток. Берега красные, глинистые, а посередине – песчаная отмель, на которой застревает плывущий по воде топляк. Неподалеку от того места, где спрятались Гилас и Пирра, среди ветвей акации просыпается стая черных ибисов с глянцевым оперением и длинными изогнутыми клювами. А за ними возвышаются самые необычные деревья из всех, какие видел Гилас: стволы покрыты чешуйками, будто сосновые шишки, а ветки растут только на верхушке, причем все из одной точки. Они образуют круг, словно лучи Солнца. Опущенные книзу острые листья формой напоминают ножи.

– Это финиковые пальмы, – произнесла Пирра. – У нас в Доме Богини такая стояла в горшке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.